

нятым и логичным. Принципиальное отличие состоит в том, что в Великобритании субъект этих управляющих импульсов имел совершенно определенный официальный статус, а потому в ходе кризиса был идентифицирован и оказался в центре публичного разбирательства. Следствием проведенного расследования и общественной дискуссии стали помимо прочего меры, направленные на обеспечение гарантий свободы информации и ограничение возможностей централизованного управления политическими коммуникациями.

В России нет исследований о спин-докторах, хотя вряд ли кто-то возьмется всерьез утверждать, будто этого явления у нас не существует. Поскольку их статус и параметры деятельности не определены законом, остается достаточно большой простор, с одной стороны, для злоупотреблений, с другой — для слухов и журналистских спекуляций. Всем понятно, например, что наши политические и государственные лидеры пользуются услугами политконсультантов. Однако в силу совершенно неправомерного отсутствия официальных сведений на этот счет, граждане могут только догадываться о масштабах такой деятельности, объемах задействованных ресурсов и персоналиях экспертов, облеченных доверием власти. Средства массовой информации время от времени причисляют к категории так называемых кремлевских политехнологов тех или иных представителей консалтингового цеха. Достоверность этих сведений проверить невозможно, тем более что некоторые «предприниматели от политики», в действительности к Кремлю отношения не имеющие, иногда стимулируют или молчаливо поощряют распространение таких слухов. Отсутствие публичности также порождает подозрения в нелегитимности и нелегальности осуществляемых таким образом политических проектов, сомнения в их направленности на реализацию общественного блага, а не частных интересов отдельных представителей правящей элиты.

В целом же вопрос о масштабах реального могущества политконсультантов (могут ли они, например, действительно привести к победе на выборах человека, не имевшего без их помощи никаких шансов завоевать поддержку значительной доли избирателей, а потом еще и стабильно обеспечивать ему высокий рейтинг) остается открытым. В этом вопросе мнение граждан и аналитиков западных стран сильно отличается от ощущений российского наблюдателя. В развитых демократиях считается, что никакие технологии не смогут превратить провального политика в победителя. Российские политконсультанты склонны публично соглашаться с западными коллегами и скромно призывают не преувеличивать их потенциальные возможности. Но опыт функционирования демократических институтов в нашей стране продемонстрировал, как из заведомо непроходной фигуры непопулярного политика можно сделать победителя в достаточно корот-

кий срок, а вчера еще никому не известного человека превратить во всенародного любимца, пользующегося прочной поддержкой граждан. Однако в любом случае понятно, что имидж политика может претерпевать в руках профессионалов весьма серьезные изменения. А коль скоро деятельность людей, обладающих такого рода квалификацией, сегодня является обязательным элементом политического процесса и оказывает влияние на формирование и работу органов государственной власти, эта деятельность должна быть выведена из тени, стать предметом тщательного анализа (в том числе научного), публично регулироваться и находиться под постоянным контролем общества.

2.6. ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЕГМЕНТ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА)

В течение второй половины XX в. экспертное сообщество в ведущих странах мира трансформировалось в развитую отрасль услуг, важный элемент государственного аппарата и бизнеса, источник важной информации о социально-экономических и политических процессах. Принятие комплексных решений, как в деловых вопросах, так и в государственных делах существенно усложнилось и породило огромный сектор услуг. Экспертный корпус развился вместе с сектором образования и рядом с сектором науки как потребитель квалифицированных кадров. Формально эксперт наряду с преподавателем, администратором и исследователем представляет собой один из четырех типов ученых. Это ответвление науки не предполагает изобретение теорем и законов, но предполагает их применение к практическим проектам. В эту сферу вовлечено значительное число исследователей и профессоров-преподавателей, тем более что решение практических задач требует высокой профессиональной квалификации.

Экспертное сообщество в области политики и права, экономики и социальной сфере представляет собой в развитых демократических (по форме правления по крайней мере) странах сложное образование. По количеству экспертных центров и доле занятых в данной сфере в развитых демократиях доминируют экономисты и социологи, впрочем, в переходных экономиках это даже более заметно. Нужен спрос со стороны политических партий и движений, адекватное налоговое законодательство с тем, чтобы государство, бизнес и граждане могли финансировать исследовательские центры, создавая условия для конкуренции идей и разработок. Соответственно, чем богаче политический процесс, тем более конкурентная борьба идей и исследова-

тельских разработок в общественной сфере (от теории до прикладных работ). В этом секторе обычно скомбинированы (в различных пропорциях) интеллектуальные ресурсы общества в университетах, исследовательских центрах и «think tanks». По форме собственности (или «контроля») они включают государственные и частные, корпоративные исследовательские центры и университеты, аффилированные с различными партиями, религиозными, деловыми (бизнес) и общественными организациями и движениями, неправительственные центры и т. д. По финансированию они критически зависят от национального налогового законодательства и от политики государства в отношении неправительственных организаций¹. Разумеется, общие правила демократической организации общества прямо воздействуют на экспертное сообщество: больше политических свобод — больше возможностей для развития конкуренции в интеллектуальной сфере — более благоприятные возможности для деятельности экспертного сообщества.

Вычленив объект анализа для данной главы, нам важно определить, в какой степени представители экспертного сообщества оказываются частью политического класса — т. е. сообщества тех, кто по определению профессионально занимается политикой². Данная глава посвящена ряду аспектов формирования как политического класса в целом, так и экспертного сообщества в условиях трансформации общества, государства и экономики.

С учетом тяжелого транзитивного экономического кризиса, социальных потрясений упомянутый процесс характеризовался значительным своеобразием по сравнению с более развитыми и давно функционирующими демократиями. Исследователь мог наблюдать не только общие характеристики (или национальные особенности) и структуру политического класса, но также процесс формирования его новой версии. В нашем случае речь идет о трансформации научного сообщества советского общества, которое (как и в странах Центральной и Восточной Европы в начале 1990-х гг.) в той части, в которой оно было вовлечено в исследование политики, выступало одним из сегментов политического класса. Этот сегмент стал одним

¹ Важным моментом для существования экспертного сообщества является возможность вычета из налогов компаний их вкладов на благотворительность и исследовательскую деятельность и характер регулирования по созданию и функционированию фондов для НКАО («endowments»).

² В период работы над данной главой (в конце 2011 — 2012 г.) произошли сдвиги в конфигурации политического класса в целом и в экспертном сообществе в частности.

из источников возникновения новой отрасли услуг и, соответственно, формирования экспертного сообщества.

Представляется важным подчеркнуть взаимосвязь социально-экономических и собственно политических решений. Например, правила выборов (назначения) губернаторов — это сфера политики, но немедленные последствия связаны с необходимостью регулировать правила налогообложения, права собственности в регионе, условия инвестирования, взаимоотношения с федеральными властями (бюджетом, субсидиями и федеральными программами). Внешняя политика несколько более удалена от экономики, но в долгосрочном плане (как стало окончательно ясно после распада СССР) она должна не в меньшей степени обеспечивать долгосрочные (экономические) интересы страны, чем вооруженные силы, как об этом писал Клаузевиц. Реальная боеспособность армии и флота во многом определяется не только эффективной международной стратегией, но также — в значительной степени — финансово-материальными возможностями страны. В этом плане эффективность и реалистичность разработок в международной и внутренней политике критически зависят от глубокой проработки вопросов мировой экономики, внутренних социально-экономических процессов. В силу этого мы рассматриваем экспертное сообщество как широкий круг исследовательских центров, специализирующихся в области собственно политики и социально-экономической сфере, хотя в данной работе мы не затрагиваем сферу выработки конкретных решений экономического характера.

В нашем случае критически важно, что эксперты в общественной сфере всегда функционируют для решения практических задач и для «заказчика» — это не обучение студентов или академическая («чистая») наука. Конечным «заказчиком» выступает политическая и финансовая элита, но различные элементы политического класса могут выступать посредниками в этих отношениях и непосредственными заказчиками (контракторами) для экспертов.

Вопрос во многом состоит в том, какую нишу в структуре политического класса занимает экспертное сообщество. Ведущие элементы (руководители, лидеры центров) экспертного сообщества выступают как часть политического класса и даже политической элиты. Экспертное сообщество продает свои услуги в режиме конкуренции — идейной и коммерческой — как во всякой отрасли услуг. Тем самым экспертное сообщество оказывается зависимым от политической конфигурации общества. Чем более плюралистическим является общество, чем более оно демократично, чем больше возможностей представительства различных социальных групп — тем больше возможностей у экспертов и тем выше конкуренция идей, поиска решений в социально-экономической и социально-политической сферах.

Объект — экспертное сообщество

Положение экспертного сообщества в рамках политического класса зависит от конфигурации политического режима. В рамках демократического режима экспертный пул лишь частично является фракцией политического класса. При наличии минимальных ресурсов экспертное сообщество в состоянии вырабатывать широкой спектр подходов к решению ключевых проблем страны, в том числе и для контрэлит. Оно может дать некоторое число интеллектуальных лидеров для оппозиции. Но оно не претендует на то, чтобы стать партией или движением, сохраняя профессионализм при решении задач. При более авторитарном правлении и корпоративизации общества, формировании гражданского общества и экспертного сообщества сверху оно может оказаться встроенным в систему общественных отношений как «отрасль».

При этом экспертное сообщество не находится в изоляции и не представляет собой локализованную и относительно легко наблюдаемую общность как во многих других профессиональных сферах (учителя, артисты, физики). Экспертное сообщество исторически формируется на базе научных институтов и университетов, работает на политический класс по профильной проблематике (частично на достижение общественного блага — если позволяют обстоятельства). Во многом это самостоятельная сфера бизнеса, не разрывающая, впрочем, связей с академической и университетской наукой, поскольку нуждается в кадрах и развитии инструментария. Оно находится в политическом пространстве — как по характеру деятельности, профилю продукции, так и частично по финансированию. Политическая элита (исполнительная власть и фракции законодательной власти, внепарламентские партии и движения) является заинтересованным потребителем продукции. Естественно, правящая элита (иногда контрэлиты) пытается использовать экспертов для достижения своих целей: как поддержания устойчивости своего положения в обществе, так и реализации своих проектов и контрпроектов.

Объективный анализ социально-политических процессов — прерогатива независимой академической науки. Однако даже для принятия решений в интересах тех или иных групп необходим возможно полный и объективный анализ: правящая элита в целях продвижения своих интересов и идей в общественном сознании нуждается не только в инструментах формирования общественного мнения, но также в объективных разработках. Правда, сосуществование в пересекающемся политическом пространстве для самих экспертов и для политиков — далеко не простая задача. Интересы толкают политиков

к поиску сильных, но «своих» экспертов, которым можно было доверять конфиденциальные проекты. Эксперты (особенно из науки) имеют тенденцию к добросовестности (верим в это) и независимости, объективности анализа и результатов. Имиджевый риск политика — власть и слава, имиджевый риск эксперта — репутация («работает на заказчика», «профессионал на заказ»)¹. Но заказчика из политического класса это может и не волновать, поскольку для последнего важен сиюминутный результат. Однако низкое качество «заказной» экспертизы может угрожать интересам политической элиты в конечном итоге.

В подавляющем большинстве экспертное сообщество и его основные действующие акторы находятся на службе у государства, компаний, финансового сектора, университетов и консалтинга. Это заметная часть «среднего среднего» и «среднего высшего» слоев в тех странах, в которых уровень развития достаточно высок (выше 15 тыс. долларов на душу населения) для того, чтобы экспертная отрасль получила развитие².

Как правило, возможности развития аффилированных с государством и структурами правящей элиты центров выше, чем тех, которые не располагают государственной поддержкой. Возможности экспертного обеспечения оппозиционных (или независимых в широком смысле слова) политических сил ограничены, прежде всего, следующими факторами:

- ограниченность возможностей привлечения талантов к оппозиционной (независимой) экспертизе в связи с неопределенностью последующей карьеры;
- ограниченность возможностей создания устойчивых в организационно-финансовом отношении «фабрик мысли», способных обеспечивать качественную экспертизу, что связано со сложностью фандрайзинга, ограниченным доступом к государственным контрактам, налоговыми проблемами доноров, неформальным воздействием правительственных структур на бизнес.

Ключевые проблемы экспертизы лежат в сложнейшей сфере пересечения объективного экономического, социального, политологического анализа, с одной стороны, и интересов влиятельных финансово-экономических групп — с другой, что актуализирует проблему соот-

¹ Хотя формально не существует эмпирических индикаторов экономического измерения фактора репутации, его роль (в том числе материальная) очевидна, хотя порой эксперты готовы жертвовать профессиональной репутацией во имя успеха и материальных благ.

² См.: Григорьев Л. и Салмина А. Структура российского среднего класса: предварительный анализ для будущих исследований // Spero. 2010. № 12.

ношения объективности анализа и его прикладного использования в партикулярных интересах. В этом плане важно отметить желательность более жестких этических ограничений в научной среде. Не переоценивая профессиональный иммунитет ученых социальных наук к материальным искушениям, примем в качестве презумпции подход, в соответствии с которым в долгосрочном плане серьезные репутационные потери участия в политическом процессе могут быть выше сиюминутных финансовых выигрышей¹. В последние десятилетия жесткость неписаных правил такого рода слабеет. Финансовый успех становится все более важным (особенно в случае нового поколения экспертов), но, как правило, более привлекательным является переход в экспертную сферу уже после фиксации академического успеха. В социально-экономической и политической сфере жесткость научных критериев слабее, чем в естественных науках, что означает больше степеней свободы для представителей профессиональной экспертизы для действий в интересах политического класса.

Как общее правило мы можем принять, что работа в интересах политического класса — это первый критерий, разграничивающий экспертизу от академической («чистой») науки. Вторым является источник финансирования, а третьим, видимо, устойчивость связей с партиями и иными негосударственными структурами. Такие важные критерии, как доступ к информации и к принятию решений, в случае экспертного сообщества плохо поддаются прямой идентификации, поскольку эксперты не являются выборными или назначаемыми лицами, а их продукция далеко не всегда публично доступна. Важным техническим различием «науки» и «политических советов» является также фактор времени — наука требует значительного времени, а политическое сопровождение текущих сюжетов (распределение бюджетных средств, оценка законопроектов, программ и действий в электоральном процессе и т. п.) обычно жестко лимитировано во времени. По самой сути политического консультирования оно обычно не располагает запасом времени для научного анализа — приходится применять максимально надежные инструменты, доступные в данный момент. Пограничный характер данной ситуации важен именно потому, что содержательная деятельность связывает два часто пересекающиеся сообщества — научное и экспертное.

¹ Существуют известные случаи своего рода «остракизма» научного сообщества в отношении политизированных коллег в связи с их переходом из академической среды на государственную службу (чаще на Западе). Формальных ограничений здесь нет, но для ученых признание коллег, академические награды и статус могут быть чрезвычайно важны.

Можно представить себе связи между политической элитой и экспертным сообществом как своего рода рынок интеракций между двумя корпорациями с неконфликтующими, но и не совпадающими интересами. В ходе карьеры эксперты могут пополнять политический класс (чаще это относится к лидерам). А представители политической элиты (и нередко — представители бизнеса) испытывают тягу к научным степеням и должностям. Политические представители могут быть делегированы элитой для управления экспертизой (в том числе для надежности). В ходе крупных политических кампаний ведущие представители политического руководства не всегда могут доверить руководство, целеполагание и реализацию программы действий «внешним» экспертам¹. Тем самым политическая и бизнес-элиты (и их конкурирующие фракции) транслируют свои идеи, требования, финансирование, и частично — свой менеджмент в экспертное сообщество.

Видимо, реалистичной является такая модель взаимодействия двух корпораций, как частичное их сращивание. Оно представляет собой некоторое пересечение, в котором обе стороны в разной степени заинтересованы в демонстрации дистанции между собой. Политикам ссылки на экспертов позволяют утверждать, что их решения основаны на базе объективного глубокого («научного») анализа. А представители экспертизы (часто из научной среды), напротив, не заинтересованы в публичности их связей с политикой — это позволяет поддерживать видимость независимости, не афишируя прямой «заказ», источник финансирования и интересы заказчиков.

Можно отметить случаи, когда эксперты (чаще административные руководители исследовательских центров) переходят в состав политической элиты в целях обретения власти, славы и/или финансовых приобретений (хотя подобная практика в России носит единичный характер)². А политическая элита (ее фракции) делегируют своих представителей в состав экспертного сообщества. Чрезвычайно важным механизмом для решения последней задачи является создание исследовательских организаций элитами и под ее контролем. Обычно их легко идентифицировать по обильному финансированию, артикулированной позиции по защите тех или иных интересов (фи-

¹ Здесь действует несколько факторов: страховка от ошибок экспертов; недоверие к экспертам; высокий уровень «политического чутья» самих политиков, превосходящий аналитические возможности экспертов.

² Психологически такие переходы обычно совершаются, естественно, с целью позитивного воздействия на ход событий. Выход из политического класса обычно затруднен.

нансовых групп, партий, движений), быстрому продвижению в СМИ и отсутствию академических работ, которые потребовали бы иного типа человеческого капитала.

Конкуренция в политико-экспертной сфере далека от совершенства в формальном смысле слова и сегментирована, поскольку опирается на интересы и возможности фракций политической элиты заказывать аналитические разработки. Экспертное сообщество не может навязать политикам некую свою (независимую) программу по двум причинам: во-первых, вследствие несопоставимо ограниченного в сравнении с политиками ресурсного обеспечения и, во-вторых, по причине конкурентного характера экспертного сообщества: эксперты редко могут согласиться на единую программу, что отражает различие их научных взглядов, амбиций или интересов связанных с ними фракций политической элиты.

Рекрутинг — вертикальная мобильность

Рекрутинг экспертов в состав политического класса (снизу вверх) — процесс двухступенчатый. Сначала эксперт должен продемонстрировать свой профессионализм. Затем он должен стать частью движения или группы, «работающей» с тем или иным крупным политиком. Далее — его эффективность, устойчивость к стрессам и готовность стать частью политического класса (помимо рационального взвешивания выгод и рисков) делают эксперта «рекрутом». Политический класс вырабатывает, разумеется, свои фильтры и методы отбора экспертов. Однако вход значительных групп экспертов поощряется политическим классом, в частности путем размещения наиболее квалифицированных лидеров экспертного сообщества на позициях функциональной элиты (должности, финансирование) с тем, чтобы переложить значительную (большую) часть усилий по воспроизводству экспертного сообщества для нужд политической элиты на плечи самих (проверенных) экспертов.

Мировой опыт показывает, что в России ректоры университетов, главы исследовательских центров, как правило, вовлечены в политический процесс, поскольку образовательная и исследовательская политика является важной составной частью стратегического политического курса. На Западе ректоры университетов и главы исследовательских институтов обладают не меньшим авторитетом и часто оказывают реальное воздействие на принятие важных решений, но они не встроены (тем более бюрократически) в политический класс и остаются в научно-интеллектуальной элите.

При инкорпорации представителя политической элиты в среду экспертов возникают дополнительные факторы:

- сфера деятельности;
- компетентность на новом уровне ответственности;
- статус и включенность в процесс принятия решений;
- взаимодействие с основной массой ученых;
- связь с политической элитой.

Начнем со сферы деятельности — значительного объема экспертизы, занятой решением экономических проблем, социальных вопросов, внутренней и внешней политики, а также правовых отношений. Здесь важно отделить повседневные задачи, которые чиновники, бизнесмены и граждане улаживают более или менее успешно, от крупных проблем, решение которых оказывает влияние на формирование и функционирование институтов общественной жизни. Если мы затрагиваем сферу государственных решений, то в данном случае важно отграничить сферы деятельности государства как «регулятора» текущей активности и как «реформатора», меняющего правила игры либо сознательно и формально, либо же воздействуя на неформальные институты экономики и общества, государственной деятельности.

Сюда относится весь анализ и наработка изменений в формальных институтах: право и регулирование в налогах, региональных проблемах, социальных нормативах, жизни политической сферы, национальных отношений. По прецеденту сюда относятся крупные бюджетные решения, большие политические кампании (муниципальная реформа или реформа правительства и электоральной системы), экономические программы (развитие Дальнего Востока или Юга, транспорта), социальные программы (ЕГЭ или демография), национальные проекты вроде Олимпиады или чемпионата мира. Хотя эти шаги носят частный или единичный характер, их масштабы определяют жизнь экономики и общества. Если сюда добавить изменения в политической системе (выборы региональных губернаторов или пороги на входе в Думу) и международные договоры (напр., вступление в ВТО), то сферы деятельности политических и социально-экономических экспертов весьма обширны и частично пересекаются. В этом отношении не всегда легко различить собственно политические решения (связанные с интересами элит, политических партий или движений) от рациональных решений в сфере экономики и социальной сферы. Мы полагаем, что крупные решения имеют крупные и длительные последствия, логика их разработки и принятия сходна с программами развития, а последствия реализации крупного регионального или национального проекта могут быть сопоставимы с действием того или иного закона и регулирования.

Разумеется, существует иное толкование термина эксперт — как синоним знатока своего дела. В этом смысле оно не конфликтует с первым пониманием, но скорее подчеркивает важность верхних сло-

ев экспертного сообщества, иногда смыкающихся с элитой научной. Положение ведущих экспертов — экспертной элиты — в отношении содержательных проблем достаточно сложно — между политикой и наукой¹. В экспертном сообществе есть группы, решающие повседневные проблемы бизнеса или государства как регулятора. В них есть крупные эксперты, чье мнение в экономике, праве или социальных вопросах оказывается важным при принятии решений. Их можно отнести к интеллектуальной элите, но они не подпадают под определение политического класса — они не принимают важных решений, хотя влияют на них своими наработками и мнениями, но не в сколько-нибудь регулярном, регламентированном порядке.

В этом есть определенная специфика взаимоотношений науки — экспертизы и политики: как правило, эксперт может, по сути, покинуть науку, перейти в профессиональный консалтинг. Обратное движение из экспертизы в науку — намного сложнее. Можно сказать, что здесь существует ловушка уровня и характера заработка, положения и известности. Научное сообщество также стремится защитить свои принципы (если они сформировались и не разрушены) и неохотно принимает политиков в свои ряды. Разумеется, крупные бизнесмены и политики «приобретают» научные титулы и формальные руководящие позиции (особенно если в карьере стартовали с научной ступеньки) достаточно часто и легко, что не делает их учеными-исследователями, конечно. Приобретение высоких должностных позиций в научной сфере может сделать их функциональной, но не нормативной элитой.

Процесс отделения верхов экспертизы от своего цеха и переход границы политического класса достаточно сложен. Индивиды продвигаются этот переход часто малыми шагами, иногда непреднамеренно (не по задуманному мастер-плану), а под влиянием перспективных контрактов, контактов, надежд на продвижение, расширение профессиональной известности. Даже перейдя границу, став частью аппарата партий, бизнес-групп, правительственных органов, крупных компаний, многие продолжают считать себя независимыми экспертами. В этом смысле пересечение политического класса и экспертного сообщества носит отчасти «невидимый» характер. Граница и состав политэкспертов «невидимы» в нескольких смыслах слова: часть работ делается без огласки; часть политэкспертного класса не видима окружающим; сегмент политического класса в экспертизе нередко про-

¹ В научно-экспертных кругах вопрос выбора политического решения по крупным сложным общественным вопросам часто ассоциируется с позицией ведомств, политических интересов и стоящих за ними экспертных центров и групп.

должает позиционировать себя как независимых экспертов и ученых (что уже не вполне соответствует действительности).

Автономизация политического сегмента экспертов от экспертного сообщества на практике проще, чем концептуализация этого процесса. Она происходит при формировании исследовательских центров при поддержке правительственных органов, повышении статуса привилегированных университетов и институтов. В современной науке эксперты-одиночки крайне редки. Необходимость содержать штат исследователей и экспертов делает любые попытки создания серьезной устойчивой экспертизы сложной и дорогостоящей с финансовой точки зрения. Так что практический поиск политических элементов в экспертном сообществе (науке) приходится вести среди глав институтов и структурных подразделений университетов и институтов РАН, гендиректоров и ведущих специалистов малых (независимых) «фабрик мысли», членов правительственных и президентских советов.

В области экономических и общественных наук экспертный корпус решает специфические задачи высокой сложности, определяющих потенциально (в случае политического решения) развитие формальных и неформальных институтов в экономике, праве и социально-политической сфере. В большой мере их деятельность связана с доступом к ограниченному рынку заказов от политических фракций, зависит от доступа к информации о социальном и политическом развитии, мониторингу, СМИ, конфиденциальности отношений «заказчик — клиент».

Профессиональные эксперты часто играют выдающуюся роль (нередко закулисную) в сложных политических процессах. При развитой демократической системе ключевые игроки, как правило, имеют партийную аффилиацию, хотя «смена знамен» известными экспертами происходит время от времени¹. Большинство экспертов рационально (и интуитивно) пытаются оставаться независимыми как можно дольше — принятие той или иной «стороны» в научно-экспертной сфере связано не только с политическим выбором и материальными выигрышами, но и с сужением рынка и репутационными рисками. Положение как эксперта определенной политической силы означает также принятие (заранее) определенных позиций по содержательным вопросам. Жизнь в политическом классе выгодна, но опасна для

¹ Смена партии или лидера обычно дает краткосрочные выгоды представителям политического класса, но может подрывать доверие к ним в долгосрочном плане. То же относится и экспертам — они много знают о той стороне политического спектра, которую покидают, но в будущем могут оказаться чрезмерно осведомленными в новой партийной комбинации (опасными при следующем переходе). Верность — товар редкий и тем более ценный.

его научной карьеры и положения в гражданском сообществе. Политический класс (особенно «власть») предлагает эксперту при рекрутинге соблазнительную (по сути «фаустианскую»), но рискованную комбинацию, или функцию полезности:

- влияние на реальный ход политического процесса (или надежду на это);
- материальное вознаграждение выше уровня «нормального» заработка в науке;
- надежду на вхождение в состав политической элиты при удаче в карьере или при смене партийной комбинации у власти;
- известность и даже популярность (в СМИ) с участием ресурсов властных структур.

Экспертное сообщество по социально-политическому профилю выглядит естественным кандидатом на пополнение политического класса в плане жизненной карьеры, уровня подготовки, по меньшей мере вслед за представителями карьерных лифтов внутри фракций самого класса и вслед за представителями бизнеса. В нормальных — не революционных — условиях общества экспертное сообщество может формулировать новые общественные задачи, давать кадры для политических движений, но остается в рамках интересов средних слоев или классов (в зависимости от определения). Лидирование в постановке новых проблем представителями интеллектуальной (нормативной) элиты — дело и крайне важное для процесса духовного развития.

Представители искусства, литературы, науки могут выступать как элементы, образующие контрэлиты. Мощностю такой контрэлиты будет определяться важностью и остротой повестки дня и степени общественного беспокойства данной темой. Экспертное сообщество как «отрасль» раскалывается (на поверхности) по фракциям политического класса. Как элементы среднего класса его представители могут присоединиться к новому движению, участвуя в складывании политического элемента движения. Тем более это относится к верхнему среднему классу, который (как показали опросы) практически живет в проблематике общественных движений и в состоянии адекватно оценивать проблемы страны, причем включает значительные фракции научно-экспертного сообщества¹.

Область пересечения политического класса и научно-экспертного сообщества и характер их взаимодействия, разумеется, специфичны истории и политической культуре страны, зависят от состояния политической системы, налогового законодательства. За последние

¹ Григорьев Л., Салмина А. и др. Средний класс после кризиса: экспресс-анализ взглядов на политику и экономику. М.: Макс-пресс, 2010.

полвека в мире (и за два десятилетия — в России) экспертная отрасль сформировалась частично внутри, частично — рядом с сектором науки. Она часто состоит из одних и тех же людей, но функционирующих по совершенно разным правилам. В социально-экономической и политико-правовой сферах действуют отношения «заказчик — поставщик»: бизнес и политики привлекают экспертов для решения своих проблем в рамках нормального политического процесса.

Процесс формирования экспертного сообщества происходит под влиянием спроса со стороны государств, бизнеса (в релевантных областях), политического класса, гражданского общества. На него оказывает влияние, как мы упоминали выше, налоговое законодательство. Но надо учитывать также конкуренцию между секторами национальной науки: академия, университеты, независимые исследовательские центры. Пул ведущих специалистов ограничен на каждый данный момент, так что идет конкуренция и частичное слияние и поглощение таких специалистов и фирм. На западе это постоянное явление — например, энергетические консалтинговые фирмы «CERA», «Hergen» были проданы основателями, но работают как бренды. В принципе возможна капитализация успешной работы лидера в экспертном сообществе, хотя это значительно труднее сделать в сфере политической экспертизы, где бренд или даже просто имя лидера связаны жестче, чем в социально-экономической сфере, где бренд может существовать как «школа».

Вертикальная мобильность экспертов в современном обществе идет по мере участия выпускников университетов в исследовательской работе, представляющей интерес для тех или иных групп политического класса, или через прямой наем в политических организациях (партия, СМИ). Создание системы экспертных центров в пореформенной России шло на средства государства, западных грантов (примерно до 2005 г.) и компаний в достаточно хаотическом режиме. В конечном счете, сформировалось три категории аналитических учреждений: в университетах, в Академии наук и в независимых центрах. При этом базовому функциональному профилю экспертных арен соответствуют только последние. Структурированные институционально, они существуют автономно; определенная часть политических экспертов объединена в рамках «нежестких» ассоциаций политологов (прежде всего, в рамках существующей почти 60 лет Российской ассоциации политической науки (РАПН) и экономистов [например, в рамках Ассоциации независимых центров экономического анализа (АНЦЭА)].

В целом легко показать, что Т. Соренсен был экспертом, но принадлежал к политическому классу, а не просто к экспертной элите, хотя самостоятельная политическая карьера ему успеха не принесла.

М. Фелдстайн, Г. Киссинджер, З. Бжезинский, Л. Саммерс, К. Райс пришли из академической науки на роль советников президента, министров, проторив путь в политическую элиту для выходцев из академической среды. Американский опыт показывает, что такой путь все же остается делом достаточно редким и трудным. Риски карьеры и риски репутационные в науке для академических ученых достаточно велики. Вход в политический класс ведет к действиям, которых традиционно избегают представители науки. Политически мотивированные действия, видимо, до какой-то степени совместимы с научной обоснованностью, объективностью, постоянным наращиванием знаний, но угроза потери независимости достаточно серьезна.

Эксперты — политики поневоле

Характер взаимодействия экспертного сообщества и политических элит в течение последней четверти века в России менялся постоянно — оба формировались в ходе системной трансформации общества и государства. Применительно к экспертному сообществу можно выделить три этапа. Первый — как и в странах Центральной и Восточной Европы — инкорпорирование экспертов как в новую элиту (частично финансовую, часто политическую), так и в формирование нового экспертного сообщества, причем часто — из представителей науки. Одной из особенностей «революционного» периода стало то, что ключевые политические решения по стратегическим вопросам трансформации принимались непосредственно политическими лидерами при минимальной экспертной проработке. В ряде случаев важные политические решения (частью вынужденные) принимались экономистами и политическими лидерами в кратчайшие сроки в попытке использовать «окна возможностей» (приватизация, налоговая система, во многом подготовка основных законов страны).

Вследствие критически важного значения экономических реформ на данном этапе преобладающую роль в политике играли экономические эксперты. Экономический блок правительства Е. Т. Гайдара был сформирован именно так; часть его членов работала в правительстве до 2011–2012 гг. или работает до сих пор (С. Игнатьев, А. Улюкаев и др.). Несколько центров, действующих по сей день, образовались в начале 1990-х гг. — например, Институт экономики переходного периода, Леонтьевский центр, Экспертная группа, некоторые уже ушли (Рабочий центр реформ С. Васильева). Отметим, что помимо рекрутинга экспертов в политический класс непосредственно политическими лидерами (Е. Гайдар — Б. Ельцин) на протяжении всего периода трансформации наблюдался процесс абсорбции ряда экспертов в политическую элиту и в политический класс через подготовку

ряда программ трансформации. Сюда можно отнести Г. Явлинского и Е. Ясина, А. Шохина, С. Глазьева, А. Дворковича и других. Бизнесменами стали эксперты А. Авен, А. Нечаев и А. Вавилов — влиятельные фигуры первого переходного правительства. Из экспертного сообщества вышли такие действующие министры, заместители министров и ведущие руководители ведомств, как А. Белоусов, К. Юдаева, А. Клепач, другие руководители рангом ниже.

В дальнейшем к образовавшимся первыми центрам присоединялись как новые исследовательские организации, так и — по мере трансформации и обновления тематики, инструментария и персонала — университеты и институты Академии наук РФ. В отсутствие нормального политического процесса уже тогда на экспертов легло формирование законодательства, выработка важнейших политических, социальных и экономических решений.

В российских условиях отметим крайне малую долю «чистых» гуманитариев — юристов, философов, историков, филологов, которые массово заняты в политике в других странах. В СССР традиционный путь в политику был связан с партийной карьерой и политической работой при слабом знании права, экономики, социальных наук в целом. Пополнение политического класса и его экспертного окружения (с поправкой на специфику того общества) шел путем отбора людей достаточно сильных и талантливых в качестве менеджеров или инженеров, но далеких от социальных и политических наук по образованию и подготовке. Однако в 1980-м гг. задачи управления в СССР усложнились, а социальный кризис стал углубляться. Отсутствие понимания сути проблем было частью тех причин, по которым советская элита и номенклатура (политический класс) не справились с адаптацией системы к рынку и демократии. Прежняя советская элита оказалась не компетентна и в политическом, и в экспертном плане и не смогла найти эволюционный выход из кризиса — достаточно вспомнить неудачные попытки частичных реформ и стабилизационных усилий правительства СССР в 1989–1991 гг.¹

Формирование экспертного сообщества в условиях кризиса 1990-х гг. шло в сложнейших условиях: глубокий кризис, обеднение академических кругов, высокая скорость политических изменений, опережавшая возможности их экспертного сопровождения. В стартовом составе экспертного сообщества в РФ и других странах Центральной и Восточной Европы экономисты временно играли весьма значительную роль. Системы подготовки решений не было, широко использовались примеры из современного польского опыта (далеко не всегда релевантные), научных работ практически не было.

¹ См.: Григорьев Л. Экономика переходных процессов. М.: МУМ, 2010.

Иностранные специалисты в отношении трансформации стран от плана к рынку располагали крайне ограниченным практическим опытом: реформы в Чили при Пиночете, макростабилизация в Польше 1990 г. и ваучерная схема приватизации в Чехословакии (которая не имела никакого отношения к российской, кроме названия). Знаменитый «Вашингтонский консенсус» был выработан для Латинской Америки и некритично применен к условиям России.

В целом советы извне были доброжелательны, но делались лицами, которые обладали весьма ограниченной экспертизой в отношении как российской действительности в целом, условий жизни и состояния общества, так и институциональных проблем трансформации¹. Западные профессора-энтузиасты пытались экспериментировать со своими идеями на реальном объекте (но большая часть этих упреков должна быть адресована заказчику советов)². Сыграло свою роль и доминирование макроэкономистов в науке — оно вело к резкому упрощению подходов. Примером подобного упрощения может служить подготовленная в июне 1992 г. «Программа углубления реформ» — совершенно грамотная работа, но не вполне для «того объекта» — экономика страны была в свободном падении и в состоянии гиперинфляции.

Более глубокое понимание необходимости сложной многоуровневой трансформации формальных и неформальных институтов, особенно отношений собственности, правил конкуренции на микроуровне, приходило медленно и поздно. В тот период экспертное сообщество дало большое число депутатов Думы, руководителей исполнительной власти, банкиров. Этот период дал и значительную часть политического класса в верхнем сегменте экспертного сообщества.

Российский капитализм пошел по своему пути, в котором доминировали отсутствие стратегической модели, слабость институционального видения проблем, неясность (копирование) инструментов, скорость и конвульсивность принятия решений. В результате мы имеем некий сложный гибрид континентальной и азиатской хозяйственной системы, получившийся, в частности, под воздействием попыток применить англо-саксонские модели на континентальной правовой основе³.

¹ Нобелевские премии за институциональные исследования были еще впереди.

² Григорьев Л. 500 дней на революцию сознания? // ЭКО. Октябрь 2010. № 5. С. 6–19.

³ Григорьев Л. Характер российского капитализма и модернизация // Экономика и институты. СПб.: «Леонтьевский центр», 2010. С. 76–87.

Политический класс той поры стал одним из потоков формирования экспертного сообщества сверху. Последнее шло как путем создания новых исследовательских и учебных центров на средства международных организаций, так и при участии бюджета (Рабочий центр реформ, Институт экономики переходного периода, Высшая школа экономики, Экономическая экспертная группа, Бюро экономического анализа). В этот период старая система институтов РАН была востребована еще относительно слабо. Иностранные консультанты в массе работали на средства техпомощи и международных организаций, но были привязаны к ведомствам через различные промежуточные системы финансирования (Федеральная комиссия по ценным бумагам и другие). Они часто работали через постоянных представителей в Москве, которые могли мобилизовывать ресурсы международного экспертного сообщества на проектной основе.

В тот период были созданы вполне успешные (многие — до сих пор) исследовательские центры экономического профиля, как Леонтьевский институт в Петербурге, Экспертный институт при РСПП, Институт города, Межведомственный аналитический центр, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, Центр развития. Характеристикой этой эпохи была специфика финансирования — средства внешних фондов, частью бюджет, малая доля от бизнеса. И важным свойством было руководство институтами лиц либо включенных в политический класс (бывшие министры и зам. министры), или непосредственные советники политических фигур. Они могли в режиме прямого взаимодействия обслуживать потребности государства (политического класса у власти).

Упомянутые выше институты образовали первый новый слой нового экспертного сообщества экономического профиля. На базе экономического сегмента экспертного сообщества в 2002 г. была создана Ассоциация независимых центров экономического анализа, вначале состоявшая из пятнадцати участников при расширении до пятидесяти¹.

К экономистам, которые осуществляли в этот период выработку ключевых решений с огромными социально-экономическими и политическими последствиями, следует добавить ограниченное число политологических центров, которые возникали на базе потребностей времени. Они часто создавались в рамках потребностей выживания политического класса в условиях тяжелого социально-экономического кризиса. Нередко они формировались вокруг ярких личностей. Большая группа политических аналитиков обслуживала интересы партий и СМИ, но деятельность политологов всегда, тем

¹ www.aret.ru

более в России этого периода, имеет непрозрачный для посторонних наблюдателей характер. Особенно это касается характера отношений с заказчиками, контрактов и финансирования, степени объективности анализа, прикладные аспекты деятельности (в ходе политических кампаний особенно). В этих условиях выжило несколько известных формирований — Центр политических технологий, ВЦИОМ, Никколо М, Фонд «Общественное мнение» и некоторые другие.

Второй этап относится к периоду после финансового краха 1998 г. — до появления у заказчиков нефтяной ренты примерно с 2003 г. В этот период образовалось и закрепилось большинство действующих по сей день центров как в экономике, так и в политике, активизировалась экспертная деятельность университетов и Академии наук. Правда, этот процесс сопровождался нарастанием трудностей для независимых центров — произошло сжатие иностранных грантов, ужесточение законодательства по НКО, в тендерах стали получать преимущества большие организации.

В этот период сформировались или укрепили свои позиции возникшие ранее политические центры, закрепившиеся на стыке экспертного сообщества и политического класса (иногда переходя в оппозицию — иногда наоборот). Речь идет о центрах А. Аузана, И. Бунина, С. Караганова, А. Ослона, С. Сатарова, В. Федорова и Е. Башкировой и других.

На рубеже 2000-х гг. времена изменились, причем под воздействием первоначально объективных факторов. Переход к росту, пусть на базе нефтяной ренты, создал больше возможностей — как для властей, так и для бизнеса — для создания и финансирования экспертного сообщества. Впоследствии (примерно в 2004–2006 гг.) это привело к отказу от внешнего финансирования по двум причинам сразу — во-первых, изменение отношения властей к этому каналу и, во-вторых, рост доходов страны сделал малообъяснимым для зарубежных доноров продолжение финансирования экспертных центров в состоятельной стране. Изменение политического режима в стране, постепенная консолидация политической элиты привела к более традиционной ситуации в экспертном сообществе — расщеплению его на «про-» и «при-» правительственные (Центр стратегических разработок), «скрыто-правительственные» и позиционирующие себя в качестве независимых центров анализа. Появляются новые центры — ЦЭФИР, Центр развития, Независимый институт социальных исследований, Институт общественного договора, ряд центров в энергетике. Во втором периоде в основном завершается процесс разделения политической элиты и экспертного сообщества — дистанция между ними увеличивается, роли структурируются как роли заказчика и исполнителя.

Центры перестают располагаться на территории ведомств, вынуждены платить аренду за помещения, зарабатывать средства на тендерах, т. е. выходят на контрактный рынок. Но в этом процессе есть и своеобразие — делегирование части экспертов в правительственные структуры. В ряде случаев складываются монополии отдельных центров в специфической сфере, чаще в увязке с монополией по различным министерствам и проблемам, которые обслуживаются одним-двумя, редко — группой исследовательских центров. Отметим, что в России продолжает действовать унаследованная от СССР традиция определенного влияния Академии наук, хотя это больше касается технических специальностей (прежде всего, оборонных) и менее характерно для экономических и политических специальностей.

Постепенно в ряде областей, особенно в области макроэкономического анализа, возникла конкуренция со стороны банков, для которых финансирование аналитических департаментов не представляет больших проблем. В этот период (до кризиса 2008 г.) возрастает роль бюджетного финансирования; создать новый независимый исследовательский центр становится трудно — сложно найти заказчика на длительный период, высока аренда помещений и налоги. Но в этот период начинается увеличение поступления новых российских кадров из западных университетов, общий рост квалификации молодежи в Москве. Это формирует человеческий капитал для более качественного анализа объекта исследования. После кризиса 2008 г. начинается новый этап перестройки экспертного сообщества и попытки властных структур интегрировать экспертное сообщество сверху.

Новый этап, судя по ряду признаков, стартовал в 2011–2012 гг. Он ознаменован попытками консолидации правящей элиты, усилением роли государства во всех сферах общественной и экономической жизни¹. В этих условиях сохранять независимость для массы центров становится труднее.

Смена Президента РФ весной 2012 г. и связанные с электоральным процессом декабря 2011 — весны 2012 г. протесты оказали свое воздействие на политическую составляющую функционирования экспертного сообщества. Политический сегмент экспертов, будучи лучше других осведомлен о характере демократических процессов, внутренних пружинах решений и всех рисках, вел себя достаточно спокойно. Ряд ведущих экспертов был настроен весьма критично, но большинство охотно цитировало аналитиков — журналистов, а не предлагало свой анализ ситуации публично («только для клиентов»).

¹ Новый закон об НКО 2012 г. создаст новый уровень административных сложностей для всех, кто в течение последних лет как-то участвовал в получении зарубежных контрактов или грантов.

По всей видимости, реальная ситуация в сфере именно политической экспертизы исключает открытое смещение политических аналитиков в оппозиционные движения и сегмент несистемной оппозиции.

Властные структуры предприняли широкие меры по аккомодации экспертов, причем в более массовом порядке привлекались эксперты социально-экономического направления, нежели политического характера. Это привело к развитию институционализации сложившегося слоя экспертов политического профиля, а также к тому, что политическая элита уже не нуждается в массовом рекрутинге экспертов в свои ряды, создала свои фильтры на входе и может привлекать экспертов на проектной основе.

Правозащитники из Совета по правам человека в определенной мере смогли найти формулу участия в политическом процессе — воздействия на органы власти в своей сфере (пусть ограниченного по масштабам)¹. В новый Совет по экономическим проблемам при Президенте РФ включено около десяти известных экспертов (помимо чиновников и бизнесменов). В новый Совет при премьер-министре включили двести экспертов самого разного профиля, однако этот пул практически не включает политических аналитиков². Надо полагать, что значительная часть правительственных экспертов в социально-экономической сфере (по крайней мере часть членов советов) и ведущие руководители политических аналитических центров могут рассматриваться как часть политического класса.

В начале периода трансформации эксперты могли сами войти в состав элиты. Но за четверть века правящая элита сформировалась — сегодня эта дверь открыта преимущественно для представителей биз-

¹ Известные правозащитники Людмила Алексеева (позднее передумала по сообщениям СМИ), Игорь Юргенс, Борис Пустынцев и Валентин Геллер решили продолжить работу в Совете по правам человека при Президенте РФ. Как рассказал «Известиям» глава СПЧ Михаил Федотов, эксперты продолжают работу в президентском Совете, но каждый на своих условиях. «Они готовы работать в обновленном Совете с Путиным. Но они не готовы работать в Совете бог знает с кем», — подчеркнул М. Федотов. Гендиректор Центра политических технологий Игорь Бунин считает, что ушедшие из СПЧ правозащитники поняли, что членство в Совете — не только возможность реально помогать людям, но и быть политически активным и «вхожим в любой кабинет». «Их уход был скорее эмоциональным. Сейчас, очевидно, они решили, что с Путиным можно попытаться найти общий язык», — заключил эксперт (<http://top.rbc.ru/society/06/08/2012/663186.shtml>).

² <https://r.mail.yandex.net/url/CLXKwc1elhKrIOFTgHFqcA,1344275335/government.ru%2Fsmi%2Fmessages%2F19958%2F>

неса либо действует в режиме самовоспроизводства; через экспертную деятельность она приоткрывается крайне редко¹.

Политические и социально-экономические эксперты во многом являются, как мы видим, «политиками поневоле». В отсутствие сильного состязательного политического процесса им приходится самим взвешивать свою лояльность политическому классу (элите), их призывавшему к работе и финансирующему, и свою научную добросовестность и гражданскую независимость. Их деятельность не может компенсировать или заменить политический процесс. Но эксперты вынуждены в интеллектуальном плане решать практические задачи как бы дважды — для заказчика и для общественного блага, которые далеко не всегда совпадают.

2.7. ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ АНАЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В РОССИИ

Продолжая начатый в предшествовавшей главе анализ формирования и функционирования экспертно-аналитических сообществ как сегмента политического класса, следует еще раз подчеркнуть различия между политико-управленческим и экспертным видами деятельности. Первый связан с управлением политической ситуацией в стране, решением социальных, экономических, политических проблем. Второй — с анализом возникающих перед страной вызовов, разработкой путей решения масштабных проблем государства и общества. Первым занимаются «политики» (политические элиты); вторым — их «советники» (интеллектуальные элиты).

Для прояснения отношений между политической и интеллектуальной элитами полезно привести аналогию А. М. Салмина: он уподобил политические элиты коллективному капитану государственного корабля. Что касается интеллектуальных элит, то по характеру выполняемых ими функций «можно говорить о существовании двух очень различных групп интеллектуальных элит: функциональных и рефлексивных»². Первых можно уподобить штурманам, а вторых — картографам.

¹ Так, в блестящей работе И. В. Штраль «Одиссея» — героическая поэма странствий» (М.: Наука, 1978) было показано, как в двух поэмах Гомера по мере смены поколений люди теряют «доступ» к богам и способность понимать язык богов — таким образом метафорически представлен процесс разрыва между элитой («богами») и населением.

² Салмин А. М. *A la recherche du sens perdu*. Российская интеллектуальная элита и постсоветская власть // Избранные статьи. М.: ФОРУМ, 2010. С. 237.